

Зайцева Анастасия Андреевна
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
nas89043419793@mail.ru

Методологический конструкт социологического исследования социального поведения студентов Ростовской области в гражданской и образовательной сфере⁸⁰

Аннотация. Настоящая статья посвящена созданию методологического конструкта социологического исследования студентов Ростовской области в гражданской и образовательной сфере. Автор делает вывод о том, что методологически обоснованным представляется использование принципов неоклассической парадигмы социологических исследований. Это предполагает синтез личностного и ситуационного, диспозиционного и культурологического подходов при изучении социального поведения, социально-детерминистского и неоинституционального подходов в исследовании институциональной среды как внешнего фактора, феноменологического подхода и теории ментальных программ в исследовании ментальных программ как внутренних факторов, а также деятельностный подход теории социальных практик.

Ключевые слова: методологический конструкт, социальное поведение, студенты, ментальные программы, социальные практики

Zaytseva Anastasiya Andreevna
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
nas89043419793@mail.ru

Methodological construct of sociological research of social behavior of students of the Rostov region in the civil and educational sphere⁸¹

Abstract. This article is devoted to the creation of a methodological construct of sociological research of students of the Rostov region in the civil and educational sphere. The author concludes that the use of the principles of the neoclassical paradigm of sociological research is methodologically justified. This implies a synthesis of personal and situational, dispositional and cultural approaches in the study of social behavior, socio-deterministic and neoinstitutional approaches in the study of the institutional environment as an external factor, a phenomenological approach and the theory of mental programs in the study of mental programs as internal factors, as well as the activity approach of the theory of social practices.

Keywords: methodological construct, social behavior, students, mental programs, social practices

Методологический конструкт научного исследования – когнитивная модель рационально-проектного содержания, задающая предметное поле научного

⁸⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90090 «Ментальные программы и институциональные практики социального поведения студенческой молодежи в региональных сообществах на Юге России (Ростовская область и Республика Крым)»

⁸¹ Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90090

исследования, его стратегию, способы и методы решения научно-исследовательских задач.

Методологический конструкт мультидисциплинарного социологического исследования включает: 1) модель социологического исследования как систему теоретического знания, определяющего его предметное поле и когнитивную стратегию; 2) теоретические знания, формирующие понятийный аппарат социологического исследования в виде системы инструментальных социологических понятий, позволяющих сформулировать основной класс научно-исследовательских задач; 3) теоретические знания, предполагаемые для использования в качестве объяснительных конструктов при решении определенных классов научно-исследовательских задач; 4) парадигмы научного исследования как способы постановки и решения определенных классов научно-исследовательских задач; 5) методы научного исследования как алгоритмы решения отдельных научно-исследовательских задач [Патриотизм..., 2018].

Методологический конструкт социологического исследования социального поведения студентов вузов Ростовской области в гражданской и образовательной сфере базируется на принципах неоклассической модели научного исследования. Основой неоклассической модели социологического исследования является синтетический стиль социологического мышления, направленный на преодоление фрагментарности социологического знания, обусловленной ограниченными возможностями классической и неклассической моделей социологического исследования. В рамках этого стиля сочетаются такие методологические принципы классической и неклассической моделей социологического исследования, как социологизм и антропологизм.

Социологизм как принцип классической модели социологического исследования утверждает первичность общества и вторичность человека как продукта общественного развития. Предметный аспект принципа социологизма проявляется в изучении социальной реальности как надындивидуальной и каузальной, в пространстве которой поведение человека носит социально обусловленный характер. Основой этой стратегии является «генерализирующий метод», ориентирующий исследователя на познание общего, присущего определенному классу социальных явлений, установление взаимосвязей между ними и выявление социальных закономерностей [Лубский, 2015: 26].

Антропологизм как принцип неклассической модели социологического исследования, наоборот, утверждает первичность человека и вторичность общества как продукта взаимодействия между людьми. Предметный аспект принципа антропологизма проявляется в изучении индивидуальной и казуальной реальности, в поле которой деятельность человека носит ментально обусловленный характер. Основой этой стратегии является «индивидуализирующий метод», ориентирующий исследователя на познание уникальных жизненных практик людей, понимание смысла

чужой индивидуальности, её коммуникативной и символической природы [Лубский, 2019: 27–29].

Синтетический стиль социологического мышления, принятый в рамках неоклассической модели исследования позволяет синтезировать методологические установки классических и неклассических научных практик [Лубский, 2017: 105]. В результате чего предметом неоклассической модели научного исследования выступают и надидеиндивидуальная и каузальная реальность (институциональная среда, возникшая в результате реформ в российском обществе) и уникальная индивидуальная и казуальная реальность (ментальные программы социального поведения студентов и социальные практики студентов).

Неоклассическая модель социологического исследования базируется также на принципах социокультурной контекстуальности и методологического плюрализма [Лубский, 2014: 13] Принцип контекстуальности означает, что всякие социальные явления, в частности, социальное поведение студентов вузов Ростовской области, необходимо изучать в рамках той социокультурной среды, которая породила это явление. Кроме того, согласно принципу контекстуальности, понимание социальной реальности предполагает изучение, прежде всего, представлений людей об окружающем мире, их ценностных ориентаций и установок поведения, то есть всего того, что в последнее время получило название ментальных программ.

Неоклассическая модель социологических исследований базируется также на принципе плюралистической интерпретации социальной реальности, предметный аспект которого заключается в том, что социальная реальность может мыслиться в различных вариантах в зависимости от методологических позиций исследователя. Методологический аспект принципа плюралистической интерпретации социальной реальности заключается в том, что в конкретной познавательной ситуации применяется свой специфический ориентированный при решении тех или иных научно-исследовательских задач способ познавательной деятельности [Лубский, 2015: 25]. В связи с этим в рамках неоклассической модели социологического исследования методологический плюрализм рассматривается как необходимое условие разработки социологических концепций холистского характера. В частности, социологическая концепция, разработанная на основе многомерного методологического конструкта мультидисциплинарного социологического исследования, дает возможность представить социальное поведение студентов в гражданской и образовательной сферах как социальную целостность в единстве составляющих их элементов. В рамках концептуального социологического мышления это позволяет преодолеть фрагментарность теоретических знаний, полученных при изучении социального поведения на основе различных парадигмально ограниченных подходов. В рамках методологического конструкта мультидисциплинарного социологического исследования, базирующегося на принципах концептуального социологического мышления, социальное поведение студентов представляет собой

ответную реакцию на социальную ситуацию в виде социальных практик, обусловленная внешними и внутренними факторами.

Для изучения социального поведения студентов и постановки научно-исследовательских задач необходимым представляется конструирование инструментальных понятий: студентов, социального поведения, социальных практик, институциональной среды, ментальных программ социального поведения.

В социологических работах существуют различные подходы к пониманию термина «студент». Одни исследователи акцентируют внимание на особенностях их учебной и профессиональной подготовки. Они считают, студенты это особая социальная группа, основной задачей которой является накопление информации для будущей профессиональной деятельности [Солодова, 2008; Гришин, 2014]. Другие считают, что студенты являются интеллектуальной основой общества [Ковризидзе, 2011]. Кроме того, в последнее время студентам все чаще присваивается статус будущего страны, так как именно этой активной и динамической части общества в скором времени будет необходимо принимать решения и определять её судьбу [Шарапов, Шкудунова, 2011].

В социальной структуре российского студенчества, используя методологический потенциал «теории поколений» [Howe, Strauss, 1991], можно выделить студентов-миллениалов, родившихся во второй половине 90-х прошлого века, в период более стабильного развития российского общества, и студентов-центениалов, появившееся на свет позже 2000 года, у которых в условиях ослабления социальных институтов, созданных предыдущими поколениями, появилась возможность, как отмечают исследователи, экспериментировать со своей жизнью [Радаев, 2019: 49].

В рамках многомерного методологического конструкта настоящего исследования студенты представляют собой наиболее активную социальную группу российской молодежи, обладающую собственными социальными интересами, ценностями и особенностями социального поведения. Структура инструментального понятия студента включает: социальное поведение студентов в гражданской сфере, социальное поведение студентов в образовательной сфере, ментальные программы студентов в гражданской сфере, ментальные программы студентов в образовательной сфере, гражданские практики студентов, образовательные практики студентов. Функции студентов: формирующая (формирование интеллигенции, социального ресурса будущего), обучение (освоение знаний и компетенций в вузе), адаптивная (приспособление к трансформационным процессам в гражданском обществе и образовании), социальная (участие в гражданских практиках как в социально значимых мероприятиях). Студенчество подразделяется на группы по полу: мужчины, женщины, по месту жительства до поступления в вуз: студенты из городов, студенты из сельской местности, по уровню обучения: бакалавры, специалисты и магистранты, по типу вуза:

студенты из стационарных вузов и филиалов. Студенты также делятся по типам: миллениалы, центениалы.

В социологии существуют различные представления о социальном поведении, обусловленные разными методологическими подходами ученых. В рамках личностного подхода, социальное поведение человека определяется индивидуальными особенностями его личности. Согласно ситуационному подходу, социальным окружением и социальной ситуацией, влияющими на него, а также интерпретацией самим человеком этой ситуации [Хекхаузен, 2001: 58–91]. Соответственно, социальное поведение осуществляется на основе внутренних и внешних регулятивов.

В изучении регулятивов социального поведения доминирует два подхода – диспозиционный и культурный. В отечественной социологии автором диспозиционной теории личности является В. А. Ядов. Под диспозицией личности он понимает определенную личностную предрасположенность человека к восприятию социальной ситуации и сложившихся условий деятельности, устойчивую склонность к выбору той или иной формы социального поведения в этих условиях [Ядов, 2013: 357–359]. В связи с этим особое внимание уделяется изучению внутренних регулятивов: установок, аттитудов и ценностных ориентаций личности. При изучении установок как внутренних регулятивов социального поведения широко используется теория установки как устойчивой предрасположенности, готовности индивида или группы к социальному действию, ориентированному на социально значимый объект. По мнению Д. Н. Узнадзе, установки, определяя направленность психической и поведенческой активности, являются предтечей того или иного социального действия [Узнадзе, 2004: 87–88].

В рамках культурного подхода, особое внимание уделяется изучению внешних регулятивов социального поведения: культурным нормам и традициям, которые интериоризируются человеком и составляют его субъективную культуру, соответственно оказывая влияние на способы интерпретации им социальной ситуации и выбор модели социального поведения [Павленко, 2016: 116–124]. Кроме того, поскольку в едином социальном пространстве действуют одни и те же социальные институты, включая определенный набор социальных ролей, норм и санкции, это обеспечивает предсказуемость социального поведения в результате принятия субъектом установленных требований и санкций. При этом можно выделить различные факторы или детерминанты социального поведения: социально-психологического, культурного, так и социально-ситуационного характера [Ментальные программы..., 2017: 20].

Изучение социального поведения как целостной социальной реальности предполагает разработку такого многомерного методологического конструкта социологического научного исследования, который синтезирует личностный и ситуационный, диспозиционный и культурный подходы. Поэтому в рамках такого конструкта социальное поведение рассматривается не как результат давления

социальной ситуации или индивидуальных черт характера человека, а как ответную реакцию на социальную ситуацию в виде определенных социальных действий, обусловленных внешними и внутренними факторами [Ментальные программы..., 2017: 22].

Структура социального поведения включает социальную ситуацию, социальные практики, ментальные программы студентов как внутренний фактор, институциональную среду как внешний фактор. Социальное поведение выполняет следующие функции: инструментальная (направлена на адаптацию и приспособление студента к постоянно меняющимся условиям в гражданском обществе и образовании); социализационная (формирование личности, выражение себя, собственных способностей); организационная (упорядочение знаний в соответствии со смысловыми значениями).

Социальное поведение как определенный репертуар социальных действий представляет собой особый вид социальных практик, поэтому многомерный методологический конструкт социологического научного исследования социального поведения студентов базируется на синтезе некоторых идей, заложенных в современных теориях и концепциях социальных практик.

Одни исследователи рассматривают социальные практики как частные социальные институты; другие – как способы деятельности, мышление или действия «по привычке» [Волков, Хархордин, 2008: 11]; третьи – считают, что социальные практики являются конкретными формами функционирования социальных институтов [Заславская, 2001: 7]. Некоторые исследователи полагают, что практики – это все, что мы делаем» [Волков, Хархордин, 2008: 15.]. В таком широком понимании социальные практики – это различные навыки целесообразной деятельности, раскрывающие способы социального существования, возможные в данной культуре, конституирующие и воспроизводящие идентичности, позволяющие индивиду состояться в определенном социальном качестве. Некоторые исследователи, синтезируя деятельностный и институциональный подходы, рассматривают социальные практики как совокупности конкретных «опривыченных» (рутинных) повторяющихся действий индивидов и социальных групп, а также организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивающих устойчивое функционирование социальных институтов [Шугальский, 2012: 278].

Среди современных парадигм исследования социальных практик, сформировавшихся в рамках деятельностного подхода, переосмысленного в русле теории коммуникации, необходимо отметить структуралистско-конструктивистскую, структурационистскую и этнометодологическую парадигмы. Согласно структуралистско-конструктивистской парадигме П. Бурдьё, социальные практики это все то, что агенты делают сами и с чем они встречаются в социальном мире. По мнению П. Бурдьё, социальные практики имеют двойственную структуру: они детерминируются социальной средой и воздействуют на социальную среду, изменяя её

структуру. Социальные практики определяются с одной стороны реакциями габитуса (системы восприятия и оценивания социальной реальности, носящей неосознанный характер) на социальные вызовы, а с другой стороны, проявлениями определенного типа габитуса, характерного для той или иной социальной группы. При этом объективные социальные структуры интериоризируются агентами в форме габитусов, а социальные практики являются порождениями габитуса, который как приобретенная система порождающих схем позволяет производить бесконечно большое количество социальных практик [Бурдьё, 1998: 44–59].

В рамках структурационистской парадигмы Э. Гидденса под социальной практикой понимаются общепринятые практики, или рутины, т.е. действия, совершаемые привычным образом в ходе повседневной социальной деятельности [Гидденс, 2003]. При этом понимании рутины Э. Гидденс особую роль отводит «практическому сознанию», включающему неявно выраженные представления акторов о социальных условиях, правилах социального поведения, а также о собственной деятельности. Он вводит понятие «практика» для преодоления оппозиции социальной структуры и социального действия. Поэтому социальная структура будучи своего рода отпечатками в памяти индивида и проявляясь в социальной практике, представляется скорее внутренней, нежели внешней по отношению к их социальной деятельности.

Согласно этнометодологической парадигме Г. Гарфинкеля, социальные практики представляют собой практики повседневности, осуществляемые при помощи рутинных действий. Социальная практика понимается, с одной стороны, как повседневная деятельность, соединяющая слова и действия, с другой – как искусство решения практических задач в ситуации неопределенности, в ходе которого взаимно согласованные действия участников снимают неопределенность и поддерживают существование объективных социальных институтов [Гарфинкель, 2007].

Важно отметить также, что определенное влияние на концепцию социальных практик оказывают концепции фоновых и «раскрывающего характера» практик. Термин «фон» был заимствован из гештальтпсихологии Л. Витгенштейном, где обозначается весь спектр смыслового содержания жизни, на основе которого исследователь изучает ту или иную практику [Дьяков, 2011: 9]. В таком случае фоном выступает сама культура или способ бытия сообщества. Одни и те же практики, происходящие на разном фоне могут иметь различные смыслы. Фоновая практика – это деятельностный контекст, в котором интерпретируется высказывание или поведение. В концепции «раскрывающего характера» М. Хайдеггера практик обосновывается тесная связь глубинных смыслов культуры и социальных практик. «Раскрывающий характер» практик проявляется в способности исследователя улавливать в конкретной практике глубинные смыслы, определяющие специфику развития данного общества в данный период времени. Социальные изменения, в свою очередь, Хайдеггер понимает как изменения фоновых практик, сопровождающиеся

появлением соответствующих идентичностей, формальных институтов и идеологий [Волков, 1997: 13].

Таким образом, в рамках методологического конструкта изучения социального поведения студентов Ростовской области используется деятельностный подход, которые предполагает сочетание структуралистско-конструктивистской, структурационистской и этнометодологической парадигм, концепций фоновых практик и практик «раскрывающего характера». Тогда под социальными практиками понимаются конкретные опривыченные действия студентов, обусловленные социальной средой и воздействующие на нее, изменяя её структуру. Структура социальных практик: студент – актор, объект, ментальные программы студента, институциональная среда как условия для социальных практик, средства и метод действия, результат действия. Социальные практики выполняют следующие функции: 1) адаптационная (устанавливает отношения между репертуарами конкретных действий и социальной средой), 2) целедостижительная (состоит в определении целей действий и ресурсов, необходимых для её достижения), 3) интеграционная (поддержание стабильности действий в рамках социума), 4) мотивационная (определяет мотивацию того или иного действия), 5) рефлексивная (отслеживание собственной деятельности и действий других людей, контроль социальных и физических факторов окружения), 6) преобразовательная (порождают трансформацию социальной среды). Признаки социальных практик: устойчивость, воспроизводство, массовость, нормативность, рациональность; обусловленность социальной средой. Типы социальных практик: по сфере – образовательные, гражданские, по характеру организации – формальные (организуемые «сверху», формально), неформальные – (инициируемые «снизу», самими студентами), по направлению деятельности в гражданской сфере – гражданско-социальные, гражданско-политические, по характеру в гражданской сфере – лояльные, ответственные, протестные.

Внешним фактором, оказывающим влияние на социальное поведение является социальная среда, сложившаяся в образовательной и гражданской сферах. В рамках социально-детерминистского подхода рассматриваются особенности новой социальной и образовательной среды, которые в результате трансформационных процессов и реформ в сфере гражданского общества и высшего образования, привели к созданию новой институциональной среды.

В рамках современных представлений о понятии социальных институтов, которое представляет собой одно из наиболее фундаментальных понятий в социологии, сформировались различные подходы. Согласно организационной парадигмы, институты рассматриваются как организации, обеспечивающие социальный порядок и контроль; нормативной – как правила и нормы социального взаимодействия; когнитивной – как ментальные образования, лежащие в основе социальных действий; прагматической – как социальные практики; конативной – как

модели социального поведения. Методологическим основанием изучения институциональной среды представляется обоснованным в рамках нормативной парадигмы и неоинституционального подхода, где социальные институты представляют собой ограничительные рамки, которые включают в себя правила и нормы, структурирующие отношения между индивидами. Причем эти рамки существуют не сами по себе, а в интеракциях, поскольку воспроизводятся только в практиках социального взаимодействия. При этом социальным институтом является только норма, реализованная в повседневной практике социального поведения, ставшая типичной и устойчивой.

В рамках представлений о социальных институтах как нормах и правилах спорным является вопрос, включать ли туда и формальные, и неформальные нормы и правила. Так, одни исследователи считают, что в понятие института, чтобы провести различия между институтами и обычаями, надо включать только формальные нормы и правила [Tsebelis, 1990: 94]. Однако другие исследователи полагают, в таком случае присутствует риск упустить из поля зрения многочисленные, свойственные любой организации неформализованные, но «сами собой разумеющиеся» правила, которые определяют поведение акторов [Зазнаев, 2005: 3–29]. Согласно неоинституционального подхода, социальные институты состоят из формальных писанных правил и неписанных кодексов социального поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их. Тогда социальные институты в рамках нормативной парадигмы представляют собой формальные и неформальные правила и нормы социального взаимодействия [Норт, 1997].

При этом институциональная среда трактуется как институты, или правила и санкции, задающие социальные рамки взаимодействий между акторами. При этом подчеркивается, что правила оказывают влияние не на сами взаимодействия, а на структурирование социальной ситуации, системно формируя институциональную среду. К непосредственному формированию этой среды имеют отношение те участники взаимодействия, которые участвуют в нормотворчестве, производстве социальных смыслов и ориентиров, а также в моральном и идеологическом обосновании социального порядка [Лубский, 2019: 118].

В рамках многомерного методологического конструкта институциональная среда представляет собой совокупность устойчивых норм и правил, сложившихся в условиях трансформации и реформ в российском обществе, регулирующих социальное поведение студентов в условиях взаимодействия между ними. Признаки: типичность, устойчивость, воспроизводимость. Структура: формальные и неформальные нормы, правила, модели поведения. Функции: регулирующая (координация социальных взаимоотношений), контроль (выполняет функцию социального контроля социального поведения), удовлетворение потребностей, интегративная (обеспечивают внутреннюю интеграцию и сплоченность), транслирующая (передача социального опыта при смене поколений).

В качестве внутренних факторов, влияющих на социальное поведение студентов рассматриваются структуры ментальных программ социального поведения. Идея о том, что социальное поведение зависит от ментальных программ, принадлежит Г. Хофстеде, который понимал под ментальными программами образцы размышлений, чувств и действий [Хофстеде, МакКрэй, 2010: 9–41]. Согласно его представлениям, источники ментальных программ лежат в основе социальной среды, в которых вырос индивид и социализировался. Ментальные программы базируются на культуре в широком смысле, которая всегда представляет собой коллективный феномен, так как она хотя бы частично разделяется людьми, которые живут или жили в одной и той же социальной среде, где она осваивается. Культуры в обществе часто коренятся неосознанным образом в ценностях: широко наблюдается распространенная склонность предпочитать некоторые обстоятельства по сравнению с другими [Hofstede, 2003].

Методология социологического исследования ментальных программ социального поведения студентов вузов Ростовской области строится на теории личностных конструктов, которая основывается на принципе конструктивного альтернативизма. Такой подход был разработан в рамках исследовательского проекта, выполненного коллективом Института социологии и регионоведения ЮФУ [Ментальные программы..., 2016: 2017. Согласно такому подходу, люди по-разному оценивают социальную ситуацию, исходя из личностных понятийных систем. Они конструируют социальную ситуацию и соответственно принимают решения альтернативно реагировать на социальную ситуацию и действовать тем или иным образом. Социальное поведение в рамках теории личностных конструктов носит избирательный характер, заключающийся в том, что люди из ряда возможных вариантов поведения осознанно выбирают наиболее оптимальные с их точки зрения. Это помогает людям правильно вести себя в данной ситуации, предвидеть её развитие и контролировать свои социальные действия [Kelly, 1996: 3–29; Фрейджер, Фейдимен, 2004: 320–348; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011: 78–79]. Теория личностных конструктов в контексте современных неинституциональных представлений дает возможность выявить рефлексивные структуры ментальных программ, определяющих осознанное социальное поведение студентов.

Структуры ментальных программ являются результатом информационного воздействия на них различных социальных акторов: государства, СМИ, системы образования, социального окружения. Под влиянием этих факторов, в том числе индивидуального опыта, формируется нормативно-ценностные структуры в виде когнитивных и ценностных конструктов, усвоение которых изменяет внутренний мир, определяет представления и убеждения. В процессе такого воздействия происходит трансформация, различного рода изменения представлений, оценочных суждений о социальной реальности, навязываемых различными агентами обладающими

символическим капиталом власти – государством, социальным окружением, СМИ [Ментальные программы..., 2017].

Ментальные программы социального поведения в содержательном плане представляют собой совокупность структур, носящих когнитивный, аксиологический и конативный характер. Когнитивные структуры ментальных программ как представления выполняют функцию познавательного мотива социального поведения, аксиологические структуры как предпочтения выполняют функцию его ценностного мотива, конативные структуры ментальных программ как установки реагирования на социальную ситуацию определенным образом непосредственно определяют социальное поведение. Ментальные программы выполняют следующие функции: аксиологическая (формирование системы ценностей и мировоззренческих установок личности и общества); когнитивная (формирование знаний-мнений); деятельностьная (формирование способности и готовности личности и общества действовать определенным образом); адаптивная (позволяет человеку приспосабливаться к социальной ситуации). Типы ментальных программ: по сфере – ментальные программы в образовательной сфере (представления об образовании, образование в системе ценностей индивида и общества, установки к тем или иным образовательным практикам) и ментальные программы в гражданской сфере (представления о гражданственности, гражданственность в системе ценностей индивида и общества, установки к тем или иным гражданским практикам), по смысловому содержанию в гражданской сфере – гражданственный, консервативный и гибридный, в образовательной сфере – традиционный, карьерный, прагматический, традиционно-карьерный, традиционно-прагматический, карьерно-прагматический.

Таким образом, методологический конструкт социологического исследования социального поведения студентов Ростовской области строится на принципах неоклассической парадигмы социологических исследований. Это предполагает синтез личностного и ситуационного, диспозиционного и культурологического подходов при изучении социального поведения, социально-детерминистского и неоинституционального подходов в исследовании институциональной среды как внешнего фактора, феноменологического подхода и теории ментальных программ в исследовании ментальных программ как внутренних факторов, а также деятельностьный подход теории социальных практик.

Библиографический список

- Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. Вып. 2. С. 44–59.
- Волков В. В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.
- Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.

Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект. 2003. 525 с.

Гришин Е. Е. Концепция понятия «Студенчество» в социологии // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 4. С. 112 – 116.

Дьяков А. А. Теория практик: социально-философский потенциал концепции // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. № 1. С. 8– 12.

Зазнаев О. И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке // Проблемы политической науки. Казань, 2005. 154 с.

Заславская Т. И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под общ. ред. Заславской. М. : МВШСЭН, 2001. 380 с.

Ковзиридзе М. Профессиональная мотивация студенческой молодежи // Труд и социальные отношения. 2011. № 8. С. 92–100.

Лубский А. В. Методология регионального исследования : учеб. пособие / А. В. Лубский. – М. : ИНФРА-М, 2019. 223 с.

Лубский А. В. Методология социального исследования : учеб. Пособие / А. В. Лубский. – М. : ИНФРА-М, 2017. 154 с.

Лубский А. В. Неоклассическая модель политических исследований // Политическая концептология. 2014. № 3. С. 18–30.

Лубский А. В. Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1 (81). С. 21–30.

Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России : монография / отв. ред. А. В. Лубский. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 396 с.

Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе / отв. ред. А. В. Лубский. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2016. 392 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. 480 с.

Павленко О. Б. Взаимосвязь ценностей культуры и моделей социального поведения // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2010. № 10 (41). С. 116–124.

Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России : коллективная монография / Ю. Г. Волков, А. В. Лубский, [и др.] ; отв. ред. Ю. Г. Волков. – Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2018. – 412 с.

Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

Солодова Т. В. Психосоциальное исследование студенческой молодежи // Известия государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С. 468–473.

Узнадзе Д. Н. Общая психология. СПб.: Питер, 2004. 413 с.

Фрейдджер Р., Фейдимен Дж. Теории личности и личностный рост. М., 2004. 657 с.

Хекхаузен Х. Личностные и ситуационные подходы к объяснению поведения // Психология социальных ситуаций. СПб., 2001. С. 58–91.

Хофстеде Г., МакКрэй Р. Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 9–41.

Шарапов Н. П. Шкудунова Ю. В. Влияние внешних факторов на студенчество как на социо-культурную общность. Наука и общество: проблемы современных исследований. Омск, 2011. С. 348.

Шмерлина И. А. Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 53–69.

Шугальский С. С. Социальные практики: интерпретация понятия" // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276 – 280.

Ядов В. А. О социологической составляющей диспозиций // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е изд. М., 2013. 376 с.

Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. Thousand Oaks CA: Sage Publications. 2001. 343 p.

Hofstede G., Hofstede J. G., Minkov M. Cultures and organizations – software of the mind, revised and expanded 3rd edition. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.

Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991. 538 p.

Kelly G.A. A brief introduction to personal construct theory // Perspectives in personal construct theory. N.Y.: Academic Press, 1966.

Triandis H.C. Culture and social behavior. N.Y., 1994.

Tsebelis G. Nested games: Rational choice in a comparative perspective. Berkeley, 1990.